121987

0 3 3

ТУ-19-241-82

3

5

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—279

РГДБ 2015
О. Тихомиров
ПОДВИГ МИНИНА И ПОЖАРСКОГО
Художник Б. Пашков

Летом 1609 года польский король Сигизмунд объявил войну Русскому государству. Он считал, что быстро возьмёт Москву и захватит царский престол. Но войска его надолго застряли под Смоленском, лишь после 20-месячной осады ворвались они в город.

А под Москвой, в Тушине, стоял лагерем самозванец Лжедмитрий. Он тоже хотел стать русским царём. В его войске были польские и казачьи отряды, а также беглые крестьяне и холопы, которые думали, что «хороший царь» даст им волю.

Сигизмунд потребовал, чтобы тушинские поляки бросили самозванца и влились в его войско. В лагере Лжедмитрия началась смута. Шляхта кричала, что не собирается отдавать Сигизмунду русские земли, «добытые своей кровью».

Лжедмитрия грозились «побить». В ночь на 28 декабря он, видя, что дело худо, переоделся в крестьянское платье и тайком бежал в Калугу.

Лагерь его распался. Кучка бояр, что были противниками царя Василия Шуйского, отправила к Сигизмунду верных людей «просить в цари московские его сына королевича Владислава».

Чтобы облегчить сыну путь к русскому престолу, Сигизмунд послал в Москву войско во главе с гетманом Жолкевским.

В конце июня 1610 года возле города Клушина разгорелся бой между поляками и русскими. Русских повёл брат царя — Дмитрий Шуйский, «воевода сердца не храброго». Московская рать была разбита. Наёмники — немцы и шведы — перешли на сторону гетмана.

Оставшись без войска, царь Василий Шуйский был свергнут недовольными боярами. Но и между ними не было согласия: каждый сам на престол попасть старался, а то, что землю родную враги поганят,— им неважно было.

Бояре страшились восстаний народных. Они начали рассуждать так: «Не от Сигизмунда нам разорение грозит. Самое зло великое—от черни, от мужиков да холопов. Попросим в цари королевича Владислава, а там видно будет».

17 августа 1610 года в польском стане был подписан договор. Опасаясь волнений в народе, поляки вошли в Москву ночью. С ними были шесть тысяч немцев, которые примкнули к ним после битвы под Клушином.

Московским гарнизоном стал командовать пан Гонсевский. Он был назначен «наместником Владислава». Спохватились бояре, да поздно: нет у них ни «воли своей» в Боярской думе, ни власти.

А в Москве-то как перед взрывом... Но не бочку с порохом к огню подкатили—то народ кнутами да саблями на присягу королевичу польскому погнали. Да и что бочка с порохом по сравнению с гневом народным!

С февраля 1611 года потянулись к Москве отряды ополченцев со всех сторон государства Русского. И уже не за «хорошего царя» шли они воевать, но за свой стольный град, ибо кто мог в покое жить покуда враг Москву топтал!..

Насторожились поляки: москвичам носить при себе ножи запретили, у плотников топоры поотбирали, у ворот городских караулов понаставили — ни пройти, ни проехать, а на каждый воз кидались с обыском — не везёт ли кто в город оружие.

Восстание вспыхнуло 19 марта. Набатный звон всколыхнул весь город. Москвичи забаррикадировали улицы. Сунулись захватчики — в них стали стрелять из самопалов с крыш, из окон, через заборы.

Немецкие мушкетёры хотели взять Пушечный двор, но пушкари, среди которых находился воевода Дмитрий Пожарский, встретили их прицельным огнём из пищалей. Побежали немцы назад.

Конные были вынуждены на узких улицах спешиться, разбиться на мелкие отряды, но так сражаться с москвичами оказалось ещё труднее. И тогда один из поляков закричал: «Жги дома!»

Принялись они поджигать дома. Огонь быстро побежал по деревянным строениям. Из-за дыма и пламени русским пришлось оставить свои засады. Подожжённый с нескольких сторон, город запылал.

Весь следующий день князь Дмитрий Пожарский, укрывшись в небольшой крепости, отбивал нападения поляков и не давал ничего жечь в этой части города.

Но к вечеру, «изнемогши от великих ран», упал князь наземь. Так и погиб бы храбрый воин, если бы други надёжные не вынесли его из огня да не сумели доставить в Троице-Сергиев монастырь.

Москвичи же покинули столицу. Они шли навстречу отрядам ополчения, чтобы присоединиться к ним и уже вместе выбивать врага из родного города.

Вскоре Москва была взята в кольцо отрядами ополченцев. Они перерезали все дороги, но взять город приступом не смогли: городские стены были высокие и крепкие, да и осаждённый гарнизон—поляки да немцы—был опытным, закалённым в боях.

И согласия не было в рядах ополченцев. Казачьи атаманы Трубецкой и Заруцкий, служившие раньше Лжедмитрию, создавали среди воевод неурядицы.

Подмосковное ополчение распадалось. Пал Смоленск. Шведы захватили Новгород. Теперь уже, казалось бы, ничто не мешало Сигизмунду направить в Москву своё войско.

В октябре в Нижнем Новгороде собрался на площади народ. Слово держал Кузьма Минин: «Люди добрые! Коль вправду хотим спасти Московское государство, не будем жалеть ничего: продадим дворы, заложим жён и детей, а наберём людей ратных, чтоб вступились за Русь».

Минин и пример показал: отдал все свои деньги на войско. Тут и другие нижегородцы понесли в казну «для святого дела» всё, что могли.

Воеводой по совету Минина выбрали князя Дмитрия Пожарского. Был он воин искусный, человек надёжный и честный — только такой и мог сослужить отечеству великую службу. С радостью откликнулся князь на призыв Минина.

Новое ополчение начал собирать Пожарский в Ярославле. Четыре месяца шли сборы, а затем двинул князь своих ратников на Москву.

На выручку гарнизону, засевшему в Кремле, король Сигизмунд послал гетмана Ходкевича. Это был прославленный полководец: таких крепких воинов, как шведы, не раз побивал. «А уж русским-то ополченцам куда до шведов!» — считал Ходкевич.

Утром 22 августа, переправившись через Москву-реку, повёл гетман своё войско в наступление к Чертольским (ныне Кропоткинским) воротам. Поначалу столкнулась конница. Сперва поляки пересилили. Отступать стали ополченцы.

Перед сражением сказал Пожарский короткую речь. Не обещал он лёгкой победы, ни добычи богатой, ни званий почётных. «Земля русская,— молвил он,— ждёт от нас правого дела. Будем же крепко стоять под Москвой и биться насмерть».

Туго пришлось ополченцам: у поляков-то сил больше было. Тем временем казаки Трубецкого смотрели на битву со стороны (стояли они недалеко—у Крымского двора), участия не принимали.

Но вот часть казаков без разрешения Трубецкого вскочила на лошадей и бросилась на помощь воинам Пожарского. «Стой!»—закричал атаман, но и сам, не удержавшись, устремился в бой.

Ночью гетман Ходкевич приказал одному из отрядов пробиться в Кремль и доставить припасы осаждённому гарнизону. Отряду удалось пройти через Замоскворечье и соединиться с кремлёвским гарнизоном.

На следующий день князь Пожарский перевёл на правый берег свои главные силы. И разыгралось в Замоскворечье сражение на долгие часы. Переменным был успех. К тому же казаки Трубецкого то вступали в бой, то уходили.

Уже смеркаться начало, когда в стан к Пожарскому прискакал Минин и попросил дать ему людей «на поляков ударить». «Бери, Кузьма, кого хочешь»,—ответил князь верному соратнику.

Взяв три конные сотни, Минин переправился через реку и напал с фланга на вражеские роты. Удар этот застал поляков врасплох.

Побежали они в панике к Ходкевичу, смяли своих, внесли сумятицу. Тут обрушились на них ополченцы Пожарского. Конница врезалась, дружно пошла пехота. Покатилось прочь из Москвы войско Ходкевича.

Теперь оставалось справиться с поляками, засевшими в Китай-городе и Кремле. Пожарский приказал вести по ним навесную стрельбу из мортир. Полетели через стены «ядра каменные и огненные». Пушки стояли даже у самого Кремля со стороны Москвы-реки.

Князь Пожарский предложил вражескому гарнизону сдаться. «...Теперь вы сами видели,—писал он,—как гетман пришёл и с каким бесчестием и страхом он ушёл от вас, а тогда ещё не все наши войска прибыли... Не ожидайте гетмана... Ваши головы и жизнь будут сохранены».

Поляки прислали оскорбительный ответ и советовали Пожарскому распустить войско: «Пусть холоп по-прежнему возделывает землю, пусть поп знает церковь, Кузьмы пусть занимаются своей торговлей».

22 октября князь Пожарский обратился к ратникам: «Люди русские, настал час последний битвы московской. Пусть не верят поляки в наше ратное умение, то их дело. Крепки стены Китай-города, да боевой дух воинства нашего ещё крепче. На приступ!»

Взяли ополченцы Китай-город. Лишь в Кремле поляки оставались, но теперь согласились они на сдачу. На следующее утро все кремлёвские ворота были открыты.

Торжественно вступили в город русские войска. Полки Пожарского шли со стороны Арбата, казаки Трубецкого—от Покровских ворот.

В 1818 году в Москве на Красной площади был установлен памятник славным сынам русского народа. Надпись на нём такая: «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия». И если нам с вами случится быть у того памятника, тоже скажем: «Низкий поклон вам, герои, от потомков!» 46

Конец

Художественный редактор В. ДУГИН
Редактор Г. ВИТУХНОВСКАЯ

101000, Москва, Центр, Старосадский пер., 7
Цветной 0-30
Д-151-82

